

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.11-112

Дата поступления: 16.07.2024
рецензирования: 20.09.2024
принятия: 15.11.2024

Между «домашним» и «тайным»: семантика прилагательного heimlich и его производных в романе Готфрида Страсбургского «Тристан»

А.Д. Головкова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: golovkovaad1609@gmail.com. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9031-2336>

Аннотация: Статья посвящена анализу семантики средневерхненемецкого прилагательного heimlich «домашний», «доверенный», «скрытый, тайный» и его производных в поэтическом романе «Тристан» Готфрида Страсбургского. Проблема категории «сокрытия/утаивания» в средневековой литературе хорошо изучена в научной традиции, однако вопрос о ее лексической репрезентации остается практически без внимания. В ходе исследования рассматривается этимология прилагательного heimlich и его производных, а также проводится анализ контекстов «Тристана», в которых употребляются эти лексемы. Древневерхненемецкое heimlih имело значение «домашний», на основе которого в средневерхненемецком языке развилось значение «доверенный», и лишь в XII в. – «скрытый, тайный». Как показал анализ контекстов, в тексте «Тристана» это прилагательное чаще всего употребляется в значении «доверенный». Образованное от него существительное женского рода heimliche также в основном используется Готфридом Страсбургским в значении «доверие, близость». В обоих случаях «доверие» можно интерпретировать как основное качество связи между Тристаном и Изольдой, которое, согласно представлениям Готфрида, присуще истинной любви. Производный глагол heimlichen в «Тристане» наряду со значением «становиться доверенным» может также значить «делать домашним». Наречие heimliche(n), напротив, в большинстве случаев используется в тексте там, где речь идет о выполненном втайне действии. Таким образом, употребление прилагательного heimlich и его производных в «Тристане» отражает характерную для западноевропейского средневековья картину мира, где «открытому/общественному» противопоставлено еще не «частное», но «необщественное/тайное».

Ключевые слова: средневерхненемецкий язык; Готфрид Страсбургский; «Тристан»; средневековый роман, тайное; семантика; этимология.

Цитирование. Головкова А.Д. Между «домашним» и «тайным»: семантика прилагательного heimlich и его производных в романе Готфрида Страсбургского «Тристан» // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2024. Т. 30, № 4. С. 235–244. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-4-235-244>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Головкова А.Д., 2024

Александра Добрынича Головкова – аспирант кафедры германской и кельтской филологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, 1.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 16.07.2024
Revised: 20.09.2024
Accepted: 15.11.2024

Between «domestic» and «hidden»: semantics of the adjective heimlich and its derivatives in Gottfried von Straßburg's «Tristan»

A.D. Golovkova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
E-mail: golovkovaad1609@gmail.com. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9031-2336>

Abstract: The article is focused on the semantic analysis of the Middle High German adjective heimlich «domestic», «close», «trusted», «hidden», «secret» and its derivatives in Gottfried von Straßburg's Tristan. The very idea of concealment in medieval literature is well studied, but the lexical side of the issue remains practically neglected. This study examines the etymology of heimlich and its derivatives and analyses the contexts in which these lexemes are used. The Old High German adjective heimlih could have the meaning «domestic, native», from which «close, trusted» developed in Middle High German, and only in the XII century the meaning «hidden (from strangers), secret» is found for the first time. In «Tristan», this adjective is mostly used in the meaning of «trusted, close». The noun heimliche derived from it is also mostly used by Gottfried in the sense of «trust, closeness». In both cases, «trust» can be interpreted as the feature of the bond between lovers, which, according to Gottfried, is inherent in true love. The verb heimlichen in 'Tristan' can mean not only «to become trusted», but also «to make homely». The adverb heimliche(n), on the opposite, belongs mostly to actions performed in secret. Thus, the use of the adjective heimlich and its derivatives in «Tristan» reflects the European medieval context, where the «open/public» is opposed not yet to the «private» but to the «non-public/hidden».

Key words: Middle High German; Gottfried von Straßburg; Tristan; medieval romance; the hidden; semantics; etymology.

Citation. Golovkova A.D. Between «domestic» and «hidden»: the semantics of the adjective heimlich and its derivatives in Gottfried von Straßburg's «Tristan». *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 235–244. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-4-235-244>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declared no conflict of interest.

© Golovkova A.D., 2024

Aleksandra D. Golovkova – postgraduate student, Department of Germanic and Celtic Philology, Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.

Введение

Сюжет романа Готфрида Страсбургского «Тристан», датированного между 1200 и 1220 гг., насквозь пронизывает тема тайны: Тристан и Изольда, по ошибке выпив любовный напиток, обретают истинную любовь, что, однако, должно быть скрыто от дяди Тристана, короля Марка, женой которого должна стать Изольда, а также от всего королевского двора. На лексическом уровне тема тайны в тексте также широко представлена. Особое место в тексте «Тристана» занимают прилагательное heimlich ‘скрытый, тайный’, ‘близкий, доверенный’, ‘домашний’ (Lexher 1872–1878, Sp. 1217) и образованные от него наречия heimeliche(n) ‘доверенно’, ‘тайно’ (Lexher 1872–1878, Sp. 1218), существительное женского рода heimeliche, ‘родина’, ‘близость’, ‘утаивание’, ‘тайна’ (Lexher 1872–1878, Sp. 1218) и глагол heimlichen ‘делать домашним’, ‘делать доверенным’ (Lexher 1872–1878, Sp. 1218).

При анализе контекстов, в которых употребляются эти лексемы, представляется важным учитывать особую этическую систему, выстроенную Готфридом Страсбургским. Так, в центре романа находится идея о мире edele herzen ‘благородных сердец’, готовых в полной мере принять и радость, и страдание, которые приносит истинная любовь. Она всегда самодостаточна и соотносима лишь с теми добродетелями, которые служат ей [Schwietering 1943, S. 2–5; Speckenbach 1965, S. 52–53].

Следует также подчеркнуть, что слово в древних литературных памятниках обладало особой спецификой. Так, М.И. Стеблин-Каменский, рассматривая семантику древнеисландского слова, отмечает, что «значения, совмещенные в одном слове, не были так расчленены, как обычно расчленены значения, совмещенные в одном слове в современном языке» [Стеблин-Каменский 1976, с. 92]. О важности анализа контекстов в исторической лексикологии говорила Н.Ю. Гвоздецкая: «<...> этимологические параллели очерчивают семантические потенции слова, актуальность которых для памятников должна проверяться контекстуальным методом» [Гвоздецкая 2003, с. 29]. Рассматривая древнеанглийские поэтические памятники, исследовательница приходит к выводу, что поэтическое слово обнаруживает большую связь с контекстом, чем слово общенародного языка [Гвоздецкая 2003, с. 32].

Целью данной работы является определение семантики прилагательного heimlich и образо-

ванных от него наречия heimeliche(n), существительного heimeliche и глагола heimlichen в романе Готфрида Страсбургского. Задачами являются анализ этимологии этих лексем, анализ контекстов, в которых они употребляются, определение функций, выполняемых лексемами в тексте романа. В работе применяются методы этимологического и семасиологического анализа. Материалом данной работы послужил текст романа Готфрида Страсбургского «Тристан».

Принципы и функции сокрытия/утаивания в западноевропейском Средневековье, а также их отражение в литературных памятниках рассматривались в работах зарубежных исследователей, например, Яна и Алеиды Ассманов, Рюдигера Брандта, Алоиза Хана, Петера фон Мооса, Хорста Венцеля [Assmann J., Assmann A. 1997; Brandt 1997; Hahn 1997; Moos 1997; Moos 1998; Moos 2004; Moos 2007; Wenzel 1997; Wenzel 1986]. Социологические и антропологические исследования, посвященные тайне в Средневековье, несомненно, должны учитываться и при филологическом анализе.

Ход исследования

1. Свн. heim(e)lich: этимологический анализ

Одно из наиболее употребительных в средневерхненемецком и в современном немецком языке прилагательных со значением ‘тайный’ – свн¹. heimlich, нн. heimlich, хотя и восходит к индоевропейской основе *kei-mo-, *koi-mo- ‘доверенный’, но приобретает эту семантику только в немецком и нидерландском ареале. Двн. heimlih, согласно данным этимологического словаря немецкого языка Ф. Клуге, могло иметь значение ‘домашний, относящийся к дому’, ‘принадлежащий к домашней прислуге’, а также ‘отечественный, родной’, и было образовано в IX в. от двн. heima ‘место жительства, дом, родина’: ср. свн. heim(e)lich ‘доверительный, послушный, скрытый, тайный’, снн. hēmelik, снл. heimelijc, hēmelijc, нл. heimelijk ‘тай-

¹ Список принятых в статье сокращений языков: и.-е. – индоевропейский; о/г – общегерманский; двн. – древневерхненемецкий; свн. – средневерхненемецкий; снн. – средненижненемецкий; нн. – новонемецкий; снл. – средненидерландский; нл. – нидерландский; дс. – древнесаксонский; да. – древнеанглийский; англ. – английский; ди. – древнеисландский; гот. – готский; греч. – греческий; дирл. – древнеирландский; лит. – литовский; русск. – русский.

ный' (Kluge 1963, S. 299). Как отмечают В. Пфайфер и Ф. Клуге, в средневерхненемецком языке из значения 'домашний, принадлежащий домашнему кругу' развилось 'скрытый от чужих глаз', 'доверенный', и лишь в XII в. эта лексема впервые употребляется в значении 'скрытый (от чужих), тайный' (Pfeifer 1993; Kluge 1963, S. 299). Лексемы, образованные от свн. heimlich и употребительные в современном немецком языке, также обладают семантикой 'тайного': свн. heim(e)lichkeit 'защищенность', 'неприметность', 'тайна', нн. die Heimlichkeit 'тайнственность', 'тайна'. Нн. verheimlichen 'скрывать', 'умалчивать' было образовано от нн. heimlich в XVIII в.: ср. свн. heim(e)lichen 'делать домашним', 'делать доверенным' (Pfeifer 1993).

Двн. heima, свн. heim, дс. hēm, снн. hēm(e) 'место жительства, дом, родина', снл. heem, heim, да. hām, англ. home 'место жительства, дом, родина', 'поселение', ди. heimr 'родина, мир', гот. haims 'деревня' в свою очередь, восходят к о/г. haima-, и.-е. *kēi-mo-, *koi-mo- 'доверенный', расширению с формантом -m- и.-е. *kēi- 'лежать', 'быть расположенным', 'место жительства'; ср. греч. κόμμη 'деревня', дирл. sōim, sōem 'дорогой, близкий', лит. šeimà 'семья, род', русск. семья (Pokorny 1959, S. 539; Kluge 1963, S. 299). От свн. heim в XV в. было образовано префиксальное прилагательное geheim, которое сначала также имело значение 'принадлежащий дому', 'доверенный'; ср. нн. der Geheimrat 'доверенный советник', и лишь с XVII в. стало относиться к 'тайному', которое противопоставлялось открытому, публичному, общественному (öffentlich) (Pfeifer 1993). Современное немецкое обозначение тайны – das Geheimnis образовано от geheim при помощи суффикса -nis и вошло в употребление благодаря лютеровскому переводу Священного Писания (Kluge 1963, S. 241). Как отмечает У. Шефер, ранненоверхненемецкое существительное geheymnis было создано Мартином Лютером как переводческое соответствие греческому μυστήριον [Schaefer 2021, S. 324].

В средневерхненемецком языке прилагательное heimlich, heinlich и его производные также были распространенными. В этимологических и толковых словарях для свн. heimlich, heimelich, heinlich² приводятся значения 'отечественный', 'доверенный, тайный', 'ручной, домашний (о животных)', 'скрытый от чужих глаз, спрятанный, тайный' (Lexner 1872–1878, Sp. 1217; Benecke, Müller, Zarncke 1854–1866, Sp. 653b). Некоторые лексемы, образованные от heimlich, heimelich heinlich, также связаны с понятием 'тайного': это наречие heimeliche(n), heimliche(n), heinliche(n) 'доверенно', 'тайно' (Lexner 1872–1878, Sp. 1218; Benecke, Müller, Zarncke 1854–1866, Sp. 655a), существительное heimelichære, heimelicher 'доверенное лицо', 'секретарь', 'тайный советник' (Lexner 1872–1878, Sp. 1217; Benecke, Müller, Zarncke

1854–1866, Sp. 655a). Отметим, что в некоторых случаях определить, какое значение реализует лексема в данном контексте, достаточно сложно.

Следует также упомянуть два существительных, также образованных от прилагательного heimlich, heinlich: свн. heimeliche, heimliche и свн. heimelicheit, heimlicheit. Лексема heimeliche, heimliche, heinliche (женск. р.) обладала широкой семантикой. Так, согласно данным словарей, это слово могло иметь значение 'родина', 'интимность, близость', 'утаивание', 'тайна', а также 'покои', 'место, к которому имеют доступ только доверенные лица' (Lexner 1872–1878, Sp. 1218; Benecke, Müller, Zarncke 1854–1866, Sp. 654b).

Сходной семантикой обладало существительное heimelicheit, heimlicheit (женск. р.). Для него в словарях приводятся значения 'любезность, приятность, радость', 'помолвка, обручение', 'интимная связь в браке', 'утаивание', 'тайна', а также 'место, к которому имеют доступ только доверенные лица', 'уборная, отхожее место' (Lexner 1872–1878, Sp. 1218; Benecke, Müller, Zarncke 1854–1866, Sp. 654b). Эта лексема существовала и в средненижненемецком языке. Так, снн. hēmelichēt могло значить как 'утаивание', 'тайна', 'укромность, защищенность', 'близость, интимность', 'родство', так и 'скрытое место', 'внутренние покои', 'отхожее место' (Köbler 2014).

От прилагательного heimlich, heimelich, heinlich в средневерхненемецком языке был образован и глагол (ge)heimelichen, (ge)heinlichen 'делать домашним', с возвратным местоимением sich (ge)heime-lichen 'стать близким кому-то' (Lexner 1872–1878, Sp. 1218; Benecke, Müller, Zarncke 1854–1866, Sp. 654b).

Таким образом, двн. heimlih, образованное в IX веке от двн. heima 'место жительства, дом, родина', о/г. *haima-, и.-е. *kēi-mo-, *koi-mo- 'доверенный', имело значение 'домашний, отечественный'. В средневерхненемецком языке у этой лексемы развилось значение 'доверенный', и лишь в XII веке – 'скрытый (от чужих), тайный'. Свн. heimlich было распространенным и активно участвовало в словообразовании.

2. Понятие 'скрытого', 'тайного' в средневековой культуре: социологический аспект

При анализе функционирования прилагательного heimlich 'отечественный', 'доверенный, тайный', 'скрытый от чужих глаз, спрятанный, тайный' в романе «Тристан» целесообразно учитывать социологические исследования, наиболее полно раскрывающие тему «утаивания/сокрытия» в Средневековье. Сама идея «утаивания/сокрытия» важна для человека, так как открытие ее приравнивается к акту основания культуры, который заключается в образовании особой формы знания, которая, в свою очередь, конструирует идею почтения к неизведанному, образуя таким образом новое социальное пространство [Assmann J., Assmann A. 1997, S. 7].

² Переход m в n является чертой южных диалектов.

Следует также коснуться вопроса о том, что может вкладываться в само понятие тайны. Так, например, немецкий социолог А. Хан предлагает разделять это понятие на три аспекта: «таинственность» (*Heimlichkeit*) или «утаивание» (*Verheimlichung*), «тайна» (*Geheimnis*) или «сокрытие чего-либо» (*Geheimhaltung*) и «таинственное» (*Geheimnisvolles*). Исследователь указывает на два способа постижения вещей – восприятие и коммуникацию, которым соответствуют две возможности ограничения информации. В зависимости от того, как проводится ограничение, «тайна» может представлять собой сведения, известные только ограниченному кругу доверенных лиц, или же знание, ни разу не упоминавшееся и поэтому недоступное никому. В том случае, когда «тайное» заключается в сокрытии информации за пределами группы посвященных, также возможны два варианта: в первом случае уже раскрытая для группы лиц информация объявляется тайной, что препятствует ее дальнейшему распространению, во втором – гарантия того, что тайна останется таковой, предшествует коммуникативному акту. Так, в зависимости от контекста, социологическая функция тайны может заключаться в закрытии социальной группы или в формировании новой возможности для коммуникации [Hahn 1997, S. 23].

А. Хан предлагает использовать обозначение «таинственность» (*Heimlichkeit*) или «утаивание» (*Verheimlichung*) для ограничения человеческого восприятия, а «тайна» (*Geheimnis*) или «сокрытие чего-либо» (*Geheimhaltung*) – для ограничения информации время коммуникативного акта. Под понятием *Verheimlichung* он понимает также намеренный отказ от вынесения информации в коммуникативное поле как гарантию сохранения тайны. Третий аспект, предлагаемый А. Ханом, – «таинственное» (*Geheimnisvolles*), хотя и упоминается во время коммуникации между людьми, но изначально трактуется в ней как нечто неисчерпаемое и недоступное пониманию [Hahn 1997, S. 25]. Интересно, что все три аспекта А. Хан обозначает при помощи лексем, в разное время образованных от прилагательного *heimlich*.

Теория, предложенная А. Ханом, может быть, хотя и с некоторыми оговорками, применима к анализу картины мира любого исторического периода. Необходимо, впрочем, указать на некоторые особенности идеи «сокрытия/утаивания» в эпоху Средневековья. Как отмечает Х. Венцель, утаивание/сокрытие информации в Средние века в большинстве случаев появляется там, где ее разглашение и смешение с другими областями знания могло привести к конфликтам: в политике, торговле, в частных разговорах, а также в религиозной сфере [Wenzel 1997, S. 53]. П. фон Моос подчеркивает, что принятая в Средневековье культура общения несет на себе отпечаток молчания. Светский или, как его точнее определяет исследователь, стратегический «образец осторожности» (*Vorsichtsmodell*), заключается в том, что говорящий должен сообщать какую-либо информацию,

лишь будучи уверенным, что она не принесет вреда [Moos 1997, S. 89–90; Moos 2007, S. 6].

«Тайное» как то, что скрывается людьми от других людей и может быть раскрыто, неизбежно воспринимается как противоположность «открытого/публичного». Х.-Ю. Люзебринк говорит о семантической оппозиции «тайное – открытое/публичное» как об одной из социокультурных границ, конструирующих идентичность общества. Впрочем, эта оппозиция в том виде, в каком ее воспринимают в современном обществе, окончательно сформировалась только в XVIII веке [Lüsebrink 1977, S. 111].

Нельзя, однако, утверждать, что в Средние века не существовало никакого разделения на сферы «открытого/публичного» и «скрытого от посторонних/тайного». Так, Р. Брандт полагает, что, несмотря на то что для средневекового человека ценным представлялось лишь «явное» и «открытое», общая структура должна была быть более сложной, чем одна лишь ничему не противопоставленная сфера «открытого/публичного» [Brandt 1997, S. 72].

Такой же точки зрения придерживается Х. Венцель. По его мнению, сфере «открытого/публичного» (*Öffentlichkeit*) должна была быть противопоставлена как минимум сфера «не-открытого» (*Nichtöffentlichkeit*), которая в некоторых случаях может трактоваться как сфера сокрытия/утаивания (*Heimlichkeit*) [Wenzel 1986, 278]. Впрочем, исследователи не находят единого определения, которое могло бы емко и без искажений описать эту противоположность «открытого/публичного». Так, согласно Р. Брандту, простое отрицание неспособно охватить явление целиком, а сокрытие/утаивание может привести к неверным ассоциациям [Brandt 1997, S. 72]. Важно отметить, что в современной немецкоязычной картине мира эта оппозиция обладает своей спецификой.

Как отмечает Р. Брандт, положительную оценку «сокрытия/утаивания» в эпоху Средневековья приобретало лишь там, где сакральное знание было защищено от человеческого любопытства. Попытки спрятать нечто от других людей, напротив, рассматривались скорее в негативном ключе, поскольку истинным, безупречным, легитимным считалось лишь то, что происходит открыто у всех на виду [Brandt 1997, S. 71].

Р. Брандт, впрочем, указывает и на контекст, в котором сокрытие какой-либо информации людьми от других могло переоцениваться в положительном ключе – ситуации, где тайна выполняет функцию защиты новой ценности – частного/приватного [Brandt 1997, S. 73]. Так, в некоторых случаях утаивание определенных действий позволяет сосуществовать двум различным нормам, за счет чего предотвращается конфликт, поскольку одна из взаимодействующих сторон не знает о действиях другой стороны. Так может происходить и в тех случаях, когда скрываются поступки, однозначно оцениваемые негативно, как, например, супружеская измена [Brandt 1997, S. 75].

Таким образом, социологическая функция тайны заключается в закрытии социальной группы или в открытии коммуникации, где предполагается, что информация не будет раскрыта. В западноевропейской средневековой картине мира «тайное» не было прямо противопоставлено «открытому/публичному» и, кроме защиты сакрального знания, оценивалось положительно только там, где оно способствовало предотвращению конфликта. Функции тайны в западноевропейской средневековой культуре, описанные выше, применимы и к сюжету «Тристана». В следующих разделах будут рассмотрены контексты, в которых факт утаивания чего-либо героями от других героев маркируется употреблением свн. прилагательного heimlich или образованной от него лексемы.

3. Прилагательное *heimlich* и его производные в «Тристане» Готфрида Страсбургского: анализ контекстов

Как отмечает Х. Венцель, не последнюю роль в тексте романа играет противопоставление действий, совершенных его героями у всех на виду или, наоборот, в тайне. Основное смысловое поле, в котором реализуется подобный конфликт, согласно Х. Венцелю, – противоборство экстатической любви, помещенной в сферу «непубличного», «тайного», и необходимой демонстрации социального статуса, которая всегда относится к сфере «публичного», «открытого» [Wenzel 2005, S. 62]. Скрытым остается то, что противоречит общепринятым нормам и потому представляется несовместимым с идеей чести (свн. *êre*). Это: любовь Ривалина и Бланшефлер и рождение Тристана, связь Тристана и Изольды и направленные на ее разоблачение действия Марка, Мелота и Мариадок, попытка убийства Брангены [Wenzel 2005, S. 66–68]. Х. Венцель подчеркивает, что эти две сферы всегда тесно переплетены между собой. Так, например, в совершение королем Марком определенных действий (например, приказаний) в тайне напрямую связано с идеей власти, которая, в свою очередь относится к категории «публичного» [Wenzel 2005, S. 66].

Значимость идеи «сокрытия/утаивания» в «Тристане» отражена в том числе и на лексическом уровне. Так, прилагательное *heimlich* и его производные – наречие *heimliche(n)*, существительное *heimliche*, глагол *heimlichen* – употребляются в тексте романа 31 раз.

Представляется целесообразным рассмотреть прилагательное *heimlich*, *heimlich* и его производные в «Тристане» Готфрида Страсбургского под другим углом и проследить, какое значение реализуется у этой группы лексических единиц в зависимости от представленной в тексте ситуации. Рассмотрим отдельно соответствующие лексемы разной частеречной принадлежности: прилагательное, наречие, существительное, глагол.

3.1. Свн. прилагательное *heimlich* «близкий», «доверенный», «скрытый», «тайный»

Как прилагательное *heimlich* встречается в тексте «Тристана» всего 13 раз. Важно подчеркнуть,

что эта лексема практически не употребляется у Готфрида Страсбургского в значении «скрытый», «тайный». Так, анализ контекстов показал, что в большинстве случаев (всего 9 раз) *heimlich* выражает понятие «доверенный», «близкий». В 6 случаях это прилагательное употребляется в контекстах, где речь идет о доверительных отношениях между героями. Подчеркнем, что всего 3 примера относятся к характеристике связи Тристана и Изольды.

Приведем один контекст, в котором прилагательное *heimlich* выражает состояние, противоположное тому, которое может быть вызвано действием, обозначенным в «Тристане» как «*sich hel(e)n*»: «*dise gelieben beide / die'n hâlen sich ze nihte: / ze mit rede und mit gesichte / wâren sî **heimlich** under in*». (Tristan 12388–12400) «эти возлюбленные оба, / они никак не таились: / и речью, и лицом / были они близки между собой».

Следует оговорить, что глагол *sich hel(e)n* в этом случае передает значение сокрытия возлюбленными чувств не от внешнего мира, а друг от друга. Так, прилагательное *heimlich* в тех случаях, когда оно употребляется по отношению к Тристану и Изольде, характеризует любовную связь, в которой царит полное доверие. Познав истинную любовь, Тристан и Изольда больше не должны бороться с чувствами и таиться друг от друга, так как, согласно этической системе, выстроенной в «Тристане», любовь свободна «от разума и порядка, обычая и стыда» [Nauen 1947, S. 103].

В двух случаях в тексте романа речь идет не столько о доверии между возлюбленными, сколько об их близости. Интересно, что оба контекста описывают Тристана и Изольду уже после раскрытия их связи королевским двором: «*niemer mê / in allen ir jâren / sô **heimlich**, sôs'ê wâren*» (Tristan 17702–17704) «никогда больше / во все их года / так близки, как они раньше были»; «*und niht sô **heimlich** wâren / noch sô gemeine ir rede als ê*» (Tristan 17720–17721) «и не так близки были, / и не такими общими были их речи, чем раньше».

Еще в одном случае речь идет о короле Марке, до которого доходят слухи о связи Тристана и Изольды: «*daz er binamen der künigîn / holt oder **heimlich** wolte sîn*» (Tristan 15291–15292) «что он действительно королеве / любимым и близким хотел быть». Важно подчеркнуть, что *heimlich* может относиться не только к характеристике связи двух возлюбленных. Так, тем же словом, например, обозначается близость Тристана и Изольды к Марку. Несмотря на супружескую измену, Изольда остается королю женой, а Тристан – племянником: «*sî wâren aber **heimlich** als ê / ir beider hêrren Marke. / ouch hâlen sî sich starke*» (Tristan 16408–16410) «они были, однако, близки, как раньше, / их обоих господину Марку, / также таились они сильно».

Еще в двух случаях в тексте «Тристана» прилагательное *heimlich* является определением к существительным, обозначающим человека или группу людей: *her* «войско» и *gast* «гость»: «*Tristanden, den **heimlichen** gast*» (Tristan 3461) «Тристана, доверенного гостя»; «*ich vuor von lande über mer / mit einem*

heinlichen her» (Tristan 6395–6396) ‘я отправился с земли через море / с ближним войском’. Один раз эта атрибутивная лексема употребляется в сочетании с существительным *pflēge* ‘забота’: «*nam aber ir liebez kindelîn / in ir vil heinliche pflēge*» (Tristan 2046–2047) ‘взяла однако ее любимое дитя / под свою очень близкую заботу’.

Два раза *heinlich* в тексте «Тристана» сочетается с существительным *sache* ‘вещь’. В этом случае речь идет о том, что должно быть скрыто от чужих глаз: «*si hiez ir kamere unde ir wesen / stellen unde machen / ze heinlichen sachen*» (Tristan 1914–1916) ‘она [Флората] приказала ее покои и ее комнаты / обустроить и сделать / для тайного’; «*ein kielkemenâte / nâch heinlicher sache / gegeben zuo zir gemache*» (Tristan 11538–11540) ‘каюта / для тайного / дана к их удобству’.

Интересно, что прилагательное *heinlich* в значении ‘близкий’ может сочетаться и с обозначениями материальных предметов. Так, в одном случае оно относится к одеянию Изольды: «*der roc der was ir heinlich*» (Tristan 10909) ‘одеяние было ей близко [к телу]’.

Как показал анализ контекстов, прилагательное *heinlich* в тексте «Тристана» Готфрида Страсбургского в 9 контекстах из 13 употребляется в значении ‘близкий’, ‘доверительный’. В шести контекстах оно передает близость между героями, и только три из них относятся к самим Тристану и Изольде. Прилагательное *heinlich* в этих контекстах характеризует любовь, свободную от обычая и стыда, что играет важную роль в повествовании Готфрида Страсбургского. О значении ‘тайный’, ‘скрытый’, напротив, можно говорить только в двух случаях, когда прилагательное *heinlich* сочетается с существительным *sache* ‘вещь’.

3.2. Свн. наречие *heinliche(n)* ‘доверенно’, ‘скрыто’, ‘тайно’

Наречие *heinliche(n)* употребляется в тексте «Тристана» 8 раз. В отличие от прилагательного *heinlich*, оно только в одном случае обнаруживает связь с семантикой ‘близкого’, ‘доверительного’: «*diz hætes ime heinliche / von ende unz ende gesaget*» (Tristan 10044–10045) ‘это она ему доверительно / с начала до конца рассказала’. В этом случае можно говорить о коммуникативной ситуации, которую А. Хан определяет как *Geheimhaltung* (сокрытие чего-либо), где предполагается раскрытие информации, которую необходимо сохранить в тайне, для доверенных лиц.

Впрочем, к той же коммуникативной ситуации можно отнести контекст, где Изольда приказывает слугам убить Брангену. Служанка Брангена, которой известно о любовном напитке и о связи Тристана и Изольды, представляет для героев опасность, что заставляет Изольду отдать слугам приказ об убийстве: «*ich sende eine maget mit iu, / die nemet und rîtet ir driu / heinlichen unde balde / eteswar zeinem walde, / er sî verre oder bî, / der iu dar zuo gevellec sî, / dâ nieman heinliche habe, / und*

slahet ir daz houbet abe» (Tristan 12725–12732) ‘я пошлю девушку с вами, / ее возьмите и скачите вы трое / втайне и скоро / куда-нибудь в лес, / будь он далеко или близко, / который вам для того будет подходящим, / где никто не имеет жилья, / и отрубите ей голову’.

Во всех остальных случаях употребления в тексте «Тристана» наречие *heinliche(n)* маркирует контексты, где действие выполняется тайно. Так, например, эта лексема может сочетаться с глаголами *verbergen* ‘скрывать’ и *behalten* ‘сохранять’. Показательный пример – высказывание Брангены, обращенное к убийцам: «*dô hæte aber ich daz mîne / heinliche in minem schrîne / in reinen wîzen valten / verborgen unde behalten*» (Tristan 12823–12826) ‘тогда я свою [рубашку] / тайно в моем ящике / в чистых белых складках / прятала и хранила’. Употребление в одном контексте обозначения цвета *wîz* ‘белый’, эпитета *reîn* ‘чистый’ и указывающего на интимность обстановки наречия *heinliche* представляет собой комплексную метафору, цель которой – показать процессы, происходящие в душе героини [Kraschewski-Stolz 1983, S. 139].

Чаще всего эта лексема, однако, относится к глаголам, обозначающим перемещение субъекта в пространстве. Так, например, *heinliche(n)* употребляется в контексте тайных свиданий Тристана и Изольды в саду: «*sus kam er und sîn vrouwe Îsôt / zem brunnen an des boumes schate / vil heinlich unde ze guoter state / in ahte tagen wol ahte stunt, / daz ez nie nieman wart kunt, / noch ez kein ouge nie gesach*». (Tristan 14502–14507) ‘так приходил он [Тристан] и его госпожа Изольда / к ручью в тени дерева / очень тайно и в хорошее место / за восемь дней, верно, восемь раз / так что это никогда никому не стало известно, / и ни единый глаз их не увидел’.

Отметим, что приведенные выше примеры представляют собой единственный случай, где наречие *heinliche(n)* связано с обозначением сокрытия именно любовной связи Тристана и Изольды. Во всех остальных случаях совершаемое в тайне действие или выполняется другими героями, или, если речь идет о Тристане и Изольде, происходит до известного эпизода с любовным напитком.

В одном случае *heinliche(n)* употребляется как часть парной формулы «*heinlichen unde lîse*» и имеет значение не ‘тайно’, а ‘незаметно’, ‘тихо’: «*Si gesaz in eines tages bî / heinlichen unde lîse*» (Tristan 12078–12079) ‘она [Брангена] сидела однажды рядом / незаметно и тихо’.

Таким образом, наречие *heinliche(n)* в тексте «Тристана» в большинстве случаев имеет значение ‘скрыто’, ‘тайно’ и относится к совершенным персонажами втайне от других действиям.

3.3. Свн. существительное *heinliche* ‘близость’, ‘тайна’

Существительное *heinliche* в тексте «Тристана» встречается 11 раз. Как упоминалось выше, свн. *heinliche* (женск. р.) имело значение ‘родина’, ‘интимность, близость’, ‘утаивание’, ‘тайна’,

‘покои’, ‘место, к которому имеют доступ только доверенные лица’ (Lexer 1872–1878, Sp. 1218; Benecke, Müller, Zarncke 1854–1866, Sp. 654b). В тексте «Тристана» наиболее частотным представляется значение ‘интимность, близость’ (5 контекстов из 11). Всего в двух случаях существительное *heinliche* обозначает близость Тристана и Изольды. Так, один раз упоминается: «*was ir heinliche / rilich unde riche*» (Tristan 12376–12377) ‘тогда была их близость / великолепной и богатой’. Один раз речь идет о запрете, который последовал за раскрытием тайны. Марк, убедившись в том, что связь Тристана и Изольды не является слухами при дворе, запрещает возлюбленным близость: «*sô ir ir hêrre ie mê verbôt / die heinliche wider in*» (Tristan 17854–17855) ‘так ей ее господин [Марк] впредь запретил / близость по отношению к нему’. Таким образом, существительное *heinliche*, как и прилагательное *heinlich*, выражает одну из главных «добродетелей любви» у Готфрида Страсбургского – полное доверие между влюбленными.

Лексема *heinliche* употребляется по отношению к Тристану и Изольде также в сцене в гроте любви. Однако здесь она, вероятно, передает то же значение, что и упомянутое выше словосочетание *heinliche sache* – то, что должно быть скрыто от посторонних глаз: «*dar inne hætens ir geberg, / sô sir heinliche wolten hân / und mit minnen umbe gân. / und swâ der einz vunden wart, / daz was mit êre bespart / und was der Minnen benant*» (Tristan 16694–16699) ‘там [в гроте] было их укрытие, / так они наедине быть хотели / и с любовью обходиться. / и где такой [грот] найден был, / был он честью заперт / и был по Любви назван’.

Как отмечает Р. Грюнтер, употребление в одном контексте лексем *heinlich* ‘доверенный’, ‘близкий’, *geberg* ‘укрытие’ и *Minne* ‘любовь’ однозначно указывает на сферу интимного, сферу стыда (*Schamspähre*) [Gruenter 1993, S. 70]. Можно говорить о реализации того же значения существительного *heinliche* и в другом контексте: «*Tristan meit iegeliche stat, / dâ der vrouwen heinliche was. / kemenâten unde palas*» (14276–14298) ‘Тристан избегал любого места, / где дамы наедине были. / покои и дворец’. В двух других случаях *heinliche* обозначает просто доверительные отношения между героями. Так, придворные короля Марка Мелот и Мариадок в попытках сблизиться с Тристаном, чтобы выведать тайну его связи с Изольдой, предлагают свою дружбу: «*si truogen in geliche / mit valsche und mit âswiche / ir dienest und ir heinlich an*» (Tristan 15077–15079) ‘они несли ему одинаково / с ложью и коварством / их службу и их доверие’. В другом примере Тристан сам находит себе приближенного: «*ze sîner heinliche er gewan / von Gâles einen spilman*» (Tristan 16271–16272) ‘к своему доверию он заполучил / из Уэльса шпильмана’.

Однократно существительное *heinliche* упоминается в описании убийства Брангены и обозначает жилище: «*der iu dar zuo gevellec sî, / dâ nieman heinliche habe, / und slahet ir daz houbet*

abe» (Tristan 12730–12732) ‘который [лес] вам для того будет подходящим, / где никто не имеет жилья, / и отрубите ей голову’. В трех случаях эта лексема употребляется в значении ‘покои’, ‘место, куда имеют доступ только доверенные’: «*giengen si dan si drî / durch râten in ir heinliche*» (Tristan 10410–10411) ‘пошли они тогда втроем / для совета в свои покои’; «*Hie mite giengen die vrouwen dan / in ir heinliche*» (Tristan 10590–10591) ‘так отравились дамы тогда / в свои покои’.

Лишь в одном контексте можно говорить о реализации значения ‘тайна’, ‘информация, доступная только доверенным лицам’: «*daz unser heinliche / getriuweliche mit uns tragen / und nieman niht hier umbe sagen*» (Tristan 7440–7442) ‘что они нашу тайну / доверенно с нами носят / и никому ничего об этом не говорят’. Еще в одном контексте можно предположить значение ‘тайна’, однако более вероятно, что на определяющей является семантика близости. Так, Изольда догадывается о связи между именами Тантрис и Тристан: «*‘Tantris’ sprach si ‘und Tristan / dâ ist binamen heinliche an’*» (Tristan 10107–10108) ‘“Тантрис”, сказала она, и Тристан / там точно есть [тайная] связь’.

Как показал проведенный анализ, существительное *heinliche* в тексте «Тристана» лишь в одном контексте из 11 реализует значение ‘тайна’. В 5 контекстах речь идет о близости между героями, и только два из них относятся к доверию между двумя возлюбленными – Тристаном и Изольдой. Еще в двух контекстах это существительное выражает то, что должно быть скрыто от чужих глаз. Один контекст, напротив, указывает на реализацию значения ‘жилище’.

3.4. Свн. глагол (*sich*) *heinlichen* ‘делать домашним’, ‘делать/становиться доверенным’

Хотя глагол *heinlichen* ‘делать домашним’, ‘делать/становиться доверенным’ отмечается в тексте «Тристана» всего лишь дважды, необходимо рассмотреть эти значимые контексты. В средневерхненемецком языке этот глагол был переходным, однако возможно было также его употребление в возвратной форме *sich heinlichen*, при котором глагол управлял предлогом *zu* ‘к’ (Lexer 1872–1878, Sp. 1218; Benecke, Müller, Zarncke 1854–1866, Sp. 655a).

Приведем оба контекста, в которых глагол *heinlichen* употребляется в «Тристане». В первый раз в функции дополнения при этом глаголе выступает существительное *lant* ‘земля’. Это один из немногих контекстов, где лексема, образованная от прилагательного *heinlich*, обнаруживает семантику «домашнего»: «*wir müezen dicke vremediū lant / heinlichen unde būwen*» (Tristan 9528–9529) ‘мы должны часто чужую землю / делать домашней и обустраивать’.

Второй контекст предшествует строкам, где Мелот и Мариадок пытаются попасть в доверие к Тристану, чтобы выведать его с Изольдой тайну. Здесь глагол употребляется в возвратной форме и

сочетается с местоимением *swenner* ‘кто-то’: «*swer aber offenbære / dem vînde sîne vâre / ze schaden breitet unde leit, / daz’n zel ich niht ze valscheit; / die wîle er vînt wesen wil, / die wîle enschadet er niht ze vil. / swenner sich heinliche dar, / sô neme der man sîn selbes war*». (Tristan 15065–15072) ‘если кто-то, однако, открывал бы / врагу свое намерение / вред распространяет и горе, / это я не причисляю ко лжи; / в то время, пока он врагом быть хочет, / он не навредит слишком много. / если кто-то, однако, стремится стать доверенным, / тогда пусть остерегается его’.

Таким образом, глагол *heinlichen* ‘делать домашним’, ‘делать / становиться доверенным’ лишь дважды употребляется в «Тристане». В одном случае он передает обустройство земли. Во втором контексте глагол употребляется как возвратный и реализует значение ‘становиться доверенным’.

Заключение

Как показал проведенный анализ, свн. прилагательное *heimlich*, *heinlich* и его производные в тексте романа «Тристан» Готфрида Страсбургского далеко не во всех случаях непосредственно связаны с выражением понятия «сокрытие/утаивание». Спектр его значений, реализуемых в романе Готфрида Страсбургского, однако в большой степени зависит от частеречной принадлежности производных лексем. Так, само прилагательное

heinlich лишь в двух контекстах романа обладает семантикой ‘скрытого, тайного’. В остальных случаях речь идет о характеристике доверительного отношения между людьми или же о близком расположении материального объекта.

Похожую картину обнаруживает анализ контекстов, в которых встречается существительное женского рода *heinliche*. Хотя ряд контекстов в романе невозможно интерпретировать однозначно, можно сделать вывод, что у Готфрида Страсбургского это существительное в первую очередь передает понятие ‘близость, доверие’, а лишь в редких случаях может обозначать ‘тайну’. В одном случае *heinliche* обозначает ‘дом, жилище’, а связь с семантикой ‘дома’ прослеживается у глагола *heinlichen*. В одном из двух контекстов его значение можно интерпретировать как: ‘обустраивать, делать домашним’. В другом случае речь вновь идет о семантике ‘доверенного’. Исключение составляет наречие *heinlichen*, которое в большинстве случаев контекстуально относится к действию, выполненному втайне.

Таким образом, в поэтическом тексте романа «Тристан» Готфрида Страсбургского свн. прилагательное *heimlich* и его производные отражают промежуточное состояние между сферами «тайного / необщественного» и «частного / частного» в языковой картине мира западноевропейского Средневековья.

Материалы исследования

Benecke, Müller, Zarncke 1854–1866 – *Benecke G. F., Müller, Zarncke F.* (1854–1866) *Mittelhochdeutsches Wörterbuch*. 3 Bde. Leipzig: Verlag von S. Hirzel. URL: http://woerterbuchnetz.de/cgi-bin/WBNetz/wbgui_py?sigle=BMZ.

Tristan – Gottfried von Strassburg. *Tristan und Isold* (2011) Hrsg. von Walter Haug und Manfred Günter Scholz. Mit dem Text des Thomas, herausgegeben, übersetzt und kommentiert von Walter Haug. Bd. I/II. Berlin: Deutscher Klassiker Verlag.

Kluge 1963 – *Kluge F.* (1963) *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. 19. Auflage. Bearbeitet von Walther Mitzka. Berlin: Walter de Gruyter & Co.

Köbler 2014 – *Köbler G.* (2014), *Mittelniederdeutsches Wörterbuch*, 3. Ausgabe. URL: <https://www.koeblergerhard.de/mndwbhin.html>.

Lexer 1872–1878 – *Lexer M.* (1872–1878) *Mittelhochdeutsches Wörterbuch*. Bd. I–III. Leipzig: Verlag von S. Hirzel. URL: http://woerterbuchnetz.de/cgi-bin/WBNetz/wbgui_py?sigle=Lexer

Pfeifer 1993 – Wolfgang Pfeifer et al. (1993) *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen*, digitalisierte und von Wolfgang Pfeifer überarbeitete Version im Digitalen Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/d/wb-etymwb>.

Pokorny 1959 – *Pokorny J.* (1959) *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. I–II. Bern/München: A. Francke AG Verlag.

Библиографический список

Гвоздецкая 2003 – *Гвоздецкая Н.Ю.* Прологомены к текстоцентрическому описанию семантики древнеанглийского поэтического слова // Скандинавская филология. 2003. № 16. С. 28–42. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prolegomeny-k-tekstotsentricheskomu-opisaniyu-semantiki-drevneangliyskogo-poeticheskogo-slova> (дата обращения: 25.06.2024).

Стеблин-Каменский 1976 – *Стеблин-Каменский М.И.* Миф. Ленинград: Наука, 1976. 103 с. URL: <https://norroen.info/articles/stebblink/myth>.

Assmann J., Assmann A. 1997 – *Assmann J., Assmann A.* Das Geheimnis und die Archäologie der literarischen Kommunikation. Einführende Bemerkungen // Schleier und Schwelle. Archäologie der literarischen Kommunikation V. Band 1. Geheimnis und Öffentlichkeit. München: Wilhelm Fink Verlag, 1997. S. 7–16.

Brandt 1997 – *Brandt R.* ...hic stupris incumbere non petrimescit publice. Heimlichkeit zum Schutz sozialer Konformität im Mittelalter // *Schleier und Schwelle. Archäologie der literarischen Kommunikation V. Band 1. Geheimnis und Öffentlichkeit.* München: Wilhelm Fink Verlag, 1997. S. 71–88.

Gruenter 1993 – *Gruenter R.* Das wunnecliche tal // *Tristan-Studien.* Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1993. S. 65–140.

Hahn 1997 – *Hahn A.* Soziologische Aspekte von Geheimnissen und ihren Äquivalenten. // In: *Schleier und Schwelle. Archäologie der literarischen Kommunikation V. Band 1. Geheimnis und Öffentlichkeit.* München: Wilhelm Fink Verlag, 1997. S. 23–39.

Kraschewski-Stolz 1983 – *Kraschewski-Stolz S.* Studien zu Form und Funktion der Bildlichkeit im ‘Tristan’ Gottfrieds von Straßburg. Göppingen: Kümmerle Verlag, 1983. 397 S. URL: <https://archive.org/details/studienzuformund0000kras>.

Lüsebrink 1997 – *Lüsebrink H.-J.* Öffentlichkeit/Privatheit/Geheimnis – begriffshistorische und kulturanthropologische Überlegungen // *Schleier und Schwelle. Archäologie der literarischen Kommunikation V. Band 1. Geheimnis und Öffentlichkeit.* München: Wilhelm Fink Verlag, 1997. S. 111–123.

Moos 1997 – *von Moos P. von.* «Herzensgeheimnisse» (occulta cordis). Selbstbewahrung und Selbstentblößung im Mittelalter // *Schleier und Schwelle. Archäologie der literarischen Kommunikation V. Band 1. Geheimnis und Öffentlichkeit.* München: Wilhelm Fink Verlag, 1997. S. 89–109.

Moos 1998 – *von Moos P. von.* Das Öffentliche und das Private im Mittelalter. Für einen kontrollierten Anachronismus // *Das Öffentliche und das Private in der Vormoderne.* Köln u.a.: Böhlau Verlag, 1998. S. 3–86. URL: https://www.academia.edu/36097693/Das_Oeffentliche_und_Private_im_Mittelalter_pdf.

Moos 2007 – *von Moos P. von.* Öffentliches und Privates, Gemeinsames und Eigenes. Münster: Verlag, 2007. 485 S.

Moos 2004 – *von Moos P. von.* ‘Öffentlich’ und ‘Privat’ im Mittelalter. Zu einem Problem historischer Begriffsbildung. Heidelberg: Universitätsverlag Winter GmbH, 2004. 107 S. URL: https://www.academia.edu/17943211/_%D6%92ffentlich_und_privat_im_Mittelalter_Zu_einem_Problem_historischer_Begriffsbildung.

Nauen 1947 – *Nauen H.-G.* Die Bedeutung von Religion und Theologie im Tristan Gottfrieds von Straßburg. Herne: Buchdruckerei und Verlag C. Th. Kartenberg, 1947. 111 S.

Schaefer 2021 – *Schaefer U.* Verborgenes im Altenglischen. Lexikalische Anmerkungen zu einer kognitiven Metapher // In: *Geheimnis und Verborgenes im Mittelalter. Funktion, Wirkung und Spannungsfelder von okkultem Wissen, verborgenen Räumen und magischen Gegenständen.* Berlin/Boston: De Gruyter, 2021. S. 321–338. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110698541-017>.

Schwietering 1943 – *Schwietering J.* Der Tristan Gottfrieds von Straßburg und die Bernhardische Mystik. Berlin: Verlag der Akademie der Wissenschaften in Kommission bei Walther de Gruyter u. Co., 1943.

Speckenbach 1965 – *Speckenbach K.* Studien zum Begriff ‘edelez herze’ im Tristan Gottfrieds von Strassburg. München: Eidos Verlag, 1965. 134 S. URL: <https://archive.org/details/studienzumbegrif0000spec>.

Wenzel 1997 – *Wenzel H.* Das höfische Geheimnis: Herrschaft, Liebe, Texte // *Schleier und Schwelle. Archäologie der literarischen Kommunikation V. Band 1. Geheimnis und Öffentlichkeit.* München: Wilhelm Fink Verlag, 1997. S. 53–69.

Wenzel 2005 – *Wenzel H.* Öffentlichkeit und Heimlichkeit in Gottfrieds ‘Tristan’. In: *Höfische Representation. Symbolische Kommunikation und Literatur im Mittelalter.* Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2005. S. 60–85.

Wenzel 1986 – *Wenzel H.* Ze hove und ze holze – offenlich und tougen. Zur Darstellung und Deutung des Unhöfischen in der höfischen Epik und im Nibelungenlied // *Höfische Literatur, Hofgesellschaft, höfische Lebensformen um 1200.* Düsseldorf: Droste Verlag, 1986. S. 277–299.

References

Gvozdetskaya 2003 – *Gvozdetskaya N.Yu.* (2003) Prolegomena to the textocentric description of the semantics of the Old English poetic word. *Scandinavian Philology* no. 16, pp. 28–42. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/prolegomeny-k-tekstotsentricheskomu-opisaniyu-semantiki-drevneangliyskogo-poeticheskogo-slova> (accessed 25.06.2024). (In Russ.)

Steblyn-Kamensky 1976 – *Steblyn-Kamensky M.I.* (1976) Mythos. Leningrad: Nauka, 103 p. Available at: <https://norroen.info/articles/steblyn/myth>. (In Russ.)

Assmann J., Assmann A. 1997 – *Assmann J., Assmann A.* (1997) Das Geheimnis und die Archäologie der literarischen Kommunikation. Einführende Bemerkungen. In: *Assmann A., Assmann J. (Hrsg.) Schleier und Schwelle. Archäologie der literarischen Kommunikation V. Band 1. Geheimnis und Öffentlichkeit.* München: Wilhelm Fink Verlag, S. 7–16.

Brandt 1997 – *Brandt R.* (1997) ...hic stupris incumbere non petrimescit publice. Heimlichkeit zum Schutz sozialer Konformität im Mittelalter. In: *A. Assmann A., Assmann J. (Hrsg.) Schleier und Schwelle. Archäologie der literarischen Kommunikation V. Band 1. Geheimnis und Öffentlichkeit.* München: Wilhelm Fink Verlag, S. 71–88.

- Gruenter 1993 – Gruenter R. (1993) Das wunnecliche tal. In: Adam W. (Hrsg.) *Tristan-Studien*. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, S. 65–140.
- Hahn 1997 – Hahn A. (1997) Soziologische Aspekte von Geheimnissen und ihren Äquivalenten. In: Assmann A., Assmann J. (Hrsg.) *Schleier und Schwelle. Archäologie der literarischen Kommunikation V. Band 1. Geheimnis und Öffentlichkeit*. München: Wilhelm Fink Verlag, S. 23–39.
- Kraschewski-Stolz 1983 – Kraschewski-Stolz S. (1983) Studien zu Form und Funktion der Bildlichkeit im ‘Tristan’ Gottfrieds von Straßburg. Göttingen: Kümmerle Verlag, 397 S. Available at: <https://archive.org/details/studienzuformund0000kras>.
- Lüsebrink 1997 – Lüsebrink H.-J. (1997) Öffentlichkeit/Privatheit/Geheimnis – begriffshistorische und kulturanthropologische Überlegungen. In: Assmann A., Assmann J. (Hrsg.) *Schleier und Schwelle. Archäologie der literarischen Kommunikation V. Band 1. Geheimnis und Öffentlichkeit*. München: Wilhelm Fink Verlag, S. 111–123.
- Moos 1997 – Moos P. von (1997) «Herzensegeheimnisse» (occulta cordis). Selbstbewahrung und Selbstentblößung im Mittelalter. In: Assmann A., Assmann J. (Hrsg.) *Schleier und Schwelle. Archäologie der literarischen Kommunikation V. Band 1. Geheimnis und Öffentlichkeit*. München: Wilhelm Fink Verlag, S. 89–109.
- Moos 1998 – Moos P. von (1998) Das Öffentliche und das Private im Mittelalter. Für einen kontrollierten Anachronismus. In: Melville G., P. von Moos (Hrsg.) *Das Öffentliche und das Private in der Vormoderne*. Köln u.a.: Böhlau Verlag, S. 3–86. Available at: https://www.academia.edu/36097693/Das_Öffentliche_und_Private_im_Mittelalter_pdf.
- Moos 2007 – Moos P. von (2007) Öffentliches und Privates, Gemeinsames und Eigenes. Münster: Lit Verlag, 485 S.
- Moos 2004 – Moos P. von (2004) ‘Öffentlich’ und ‘Privat’ im Mittelalter. Zu einem Problem historischer Begriffsbildung. Heidelberg: Universitätsverlag Winter GmbH, 107 S. Available at: https://www.academia.edu/17943211/_Öffentlich_und_privat_im_Mittelalter_Zu_einem_Problem_historischer_Begriffsbildung.
- Nauen 1947 – Nauen H.-G. (1947) Die Bedeutung von Religion und Theologie im Tristan Gottfrieds von Straßburg. Herne: Buchdruckerei und Verlag C. Th. Kartenberg, 111 S.
- Schaefer 2021 – Schaefer U. (2021) Verborgenes im Altenglischen. Lexikalische Anmerkungen zu einer kognitiven Metapher. In: Conermann S., Wolter-von dem Knesebeck H., Quiring M. (Hrsg.) *Geheimnis und Verborgenes im Mittelalter. Funktion, Wirkung und Spannungsfelder von okkultem Wissen, verborgenen Räumen und magischen Gegenständen*. Berlin/Boston: De Gruyter, S. 321–338. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110698541-017>.
- Schwietering 1943 – Schwietering J. (1943) Der Tristan Gottfrieds von Straßburg und die Bernhardische Mystik. Berlin: Verlag der Akademie der Wissenschaften in Kommission bei Walther de Gruyter u. Co.
- Speckenbach 1965 – Speckenbach K. (1965) Studien zum Begriff ‘edelez herze’ im Tristan Gottfrieds von Strassburg. München: Eidos Verlag, 134 S. Available at: <https://archive.org/details/studienzumbegrif0000spec>.
- Wenzel 1997 – Wenzel H. (1997) Das höfische Geheimnis: Herrschaft, Liebe, Texte. In: Assmann A., Assmann J. (Hrsg.) *Schleier und Schwelle. Archäologie der literarischen Kommunikation V. Band 1. Geheimnis und Öffentlichkeit*. München: Wilhelm Fink Verlag, S. 53–69.
- Wenzel 2005 – Wenzel H. (2005) Öffentlichkeit und Heimlichkeit in Gottfrieds ‘Tristan’. In: *Höfische Representation. Symbolische Kommunikation und Literatur im Mittelalter*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, S. 60–85.
- Wenzel 1986 – Wenzel H. (1986) Ze hove und ze holze – offenlich und tougen. Zur Darstellung und Deutung des Unhöfischen in der höfischen Epik und im Nibelungenlied. In: *Höfische Literatur, Hofgesellschaft, höfische Lebensformen um 1200*. Düsseldorf: Droste Verlag, S. 277–299.